

Русская Православная Церковь Заграницей и Московский Патриархат: история разделения и примирения внутри Поместной Русской Церкви

В 2025 году Русская Православная Церковь отмечает 100 лет преставления святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. В годы его Патриаршего служения Русской Церкви пришлось столкнуться с беспрецедентными событиями и вызовами, и все они требовали первосвятительского вмешательства. Одним из важных и трагических событий 1920-х годов стал Русский исход — массовая эмиграция в страны Европы и Америки, где русские беженцы образовали Русскую Православную Церковь Заграницей (РПЦЗ). Об истории РПЦЗ, ее идеологии, причинах расхождения с Московским Патриархатом и радостном воссоединении, а также о том, почему важно изучать историю Зарубежной Церкви, «Журналу Московской Патриархии» рассказал автор вышедшего в 2024 году учебного пособия по истории РПЦЗ, доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права ПСТГУ и Института дистанционного образования ПСТГУ **Андрей Александрович Кострюков**.

Андрей Александрович, учебное пособие стало одним из закономерных итогов того, что в свое время вы избрали тему истории РПЦЗ главной в своих научных изысканиях. Почему так вышло, что определило ваш выбор?

Интерес возник в 1990-е годы, когда после долгих лет «отмены» русской духовности появилась возможность услышать правду о нашей истории, культуре и святости. Наступило освобождение Церкви, стали издаваться труды святых отцов, религиозных философов, а также представителей церковной эмиграции: иеромонаха Серафима (Роуза; † 1982), святителя Серафима (Соболева; † 1950) и других. Печатались жизнеописания святителя Иоанна Шанхайского († 1966). В России в начале 1990-х годов церковно-издательская деятельность только приходила в движение. В какой-то момент эмигрантская церковная литература в освещении некоторых вопросов даже вышла на первый план. Можно привести в пример труды иеромонаха Серафима (Роуза) против уфологии, восточных культов и так далее. Помню, как в 1990-х годах писал в Московской духовной академии сочинение о даре языков и нашел только издания Русской Зарубежной Церкви, кроме сектантских, но они не в счет. У Московского Патриархата своих исследований об этом еще не было. То же самое и с другими дисциплинами. Новый Завет изучали по трудам архиепископа Аверкия (Таушева; † 1976), догматическое богословие учили по учебнику протопресвитера Михаила Помазанского († 1988), церковную историю — по Н. Д. Тальбергу († 1967).

С другой стороны, примерно в то же время мы узнали о прискорбном деянии руководства Русской Зарубежной Церкви — об открытии приходов и параллельных епархий на территории современной России. В результате сложилось двойственное отношение к Русской Зарубежной Церкви: в чем-то она была для нас другом и путеводителем, в чем-то недружелюбным оппонентом. И тогда захотелось изучить ее историю внимательно и отстраненно, чтобы непредвзято ответить на все возникающие вопросы.

Не было негативного отношения к авторам-эмигрантам? Их трудами пользовались и до 1990-х годов, несмотря на ситуацию раскола?

Как мне кажется, авторы из русской эмиграции не рассматривались как враги. Наверное, было глубинное понимание, что эмигрантские богословы — это одно целое с нами. А политика руководства РПЦЗ в 1990-х годах была воспринята как непродуманная и поспешная.

«Зарубежная Церковь всегда считала себя частью Московского Патриархата»

Были ли основания для отделения РПЦЗ от Московского Патриархата?

В условиях первой половины XX века, конечно, основания были. В Советской России, например, было национализировано церковное имущество, а в 1922 году на Церковь обрушилась и кампания по изъятию ценностей. То же самое планировалось устроить и с храмами за рубежом.

Известно, что случалось с зарубежными храмами и их имуществом, если они все-таки оказывались в руках коммунистов. Был поруган Никольский храм в Тегеране, когда на улицу выбросили все облачения и иконы. В Пекине советское посольство уничтожило храм Святых Мучеников. В Вене русский храм был превращен в музей атеизма. И так было повсеместно. Естественно, что русские изгнанники, потерявшие Родину, стремились спасти хотя бы часть того, что было для них важным, — память о прежней России. Зарубежная Церковь ответила отказом на изъятие ценностей, всячески спасала имущество.

Но и это не все. Церковное руководство в России было вынуждено молчать о гонениях, стараясь сохранить от Церкви хотя бы малый остаток. Осуждать такой путь мы не имеем права. Представляется вероятным и то, что большевики могли уничтожить каноничную иерархию, объявить законной Церковью обновленческий раскол, и неизвестно, что тогда было бы дальше.

Однако если мы с пониманием относимся к политике церковного руководства на Родине, то должны стараться вникнуть в логику действий и русской церковной эмиграции. Она не обязана была молчать, находясь в свободных условиях, и, естественно, выступала и против гонений, и против любого давления со стороны коммунистического государства. Как раз

Патриарх Тихон и священномученик Петр (Полянский), митрополит Крутицкий. Троица, 1924 г. (слева)

Совещание заграничных русских архиереев под председательством Сербского Патриарха Варнавы в Сремских Карловцах, на котором было выработано «Временное положение о Русской Православной Церкви Заграницей». Октябрь 1935 г. (справа)

за слово правды советская пропаганда и клеймила Зарубежную Церковь как политиканов и контрреволюционеров.

Можно сказать так: если митрополит Сергей (Страгородский; † 1944) спасал свою паству в России, то Зарубежная Церковь точно так же берегла свою эмигрантскую паству. Очевидно, что если бы руководство Зарубежной Церкви заняло просоветскую позицию, то русские эмигранты ушли бы в другие структуры, которые, несомненно, появились бы, или и вовсе ушли бы из Церкви. Резко отрицательное отношение к советскому режиму со стороны эмигрантов — это факт, с которым церковному руководству следовало считаться.

Получилось так, что московское и зарубежное церковное руководство разделилось. Что ж, иногда в истории такое случается. Мне очень нравятся слова из жития апостола Варнавы, где его конфликту с апостолом Павлом дается такая оценка: они разошлись, но, действуя порознь, обратили ко Христу большее количество язычников. Вот, наверное, и в XX веке было так же: РПЦЗ и Московский Патриархат находились в разных условиях и спасали свою паству и в эмиграции, и в России.

Можно сказать, что политику Русской Зарубежной Церкви определяли идейно-политические воззрения ее прихожан, а политика Церкви в Советском Союзе определялась государственной политикой, идейными взглядами безбожной общественности?

Что можно сказать насчет идейно-политических воззрений в России? Их очень трудно определить, потому что в условиях тоталитарного режима понять, кто на самом деле что думает и каких идей придерживается, просто невозможно. Поэтому тут мы вряд ли можем четко определить, в каком направлении двигалась мысль паствы в Советском Союзе. Показательно свидетельство епископа Василия (Родзянко; † 1999), который встретился с Патриархом Алексием I в Лондоне и потом передавал слова Первосвященителя, что путь эмиграции ему понятен и сам он всему тому, что произошло в стране после 1917 года, не сочувствует.

Зарубежная паства была в иной ситуации. Как мне представляется, церковное руководство РПЦЗ в целом разделяло взгляды эмиграции, но было более осторожным и вряд ли зависело от какого-то государства или партии. Ни одно правительство, ни одна общественная организация не имели возможности влиять на Зарубежную Церковь, потому что она действовала на территории разных стран и континентов. Правительство одной страны могло воздействовать на епископа или на священников, но в соседней стране все могло быть совершенно по-другому.

То же самое можно сказать о влиянии эмигрантских партий. В эмиграции не было единой политической партии, изгнанники были расколоты. Эмигранты шутили, что за границей собрались все, от Мартова до Маркова:

Мартов — лидер коммунистов-меньшевиков, а Марков — лидер монархистов. И даже сами монархисты были расколоты: кто-то выступал за князя Кирилла Владимировича, кто-то был его противником. И при этом сами партии владели жалкое существование в поисках средств. Финансировать Зарубежную Церковь они не могли, а стало быть, не могли оказывать влияние. Наоборот, партии стремились заручиться благословением Зарубежной Церкви, которая стала объединяющим началом для всей эмиграции. Руководство Зарубежной Церкви прекрасно понимало, что поставить во главу угла идею какой-либо одной партии просто губительно.

Поэтому в Русской Зарубежной Церкви в 1923 году было принято предписание духовенству воздерживаться от монархической проповеди, чтобы не раскалывать паству. Показательно и то, что Русская Зарубежная Церковь не признала Кирилла Владимировича императором, хотя тот себя таковым провозгласил. Архипастыри прекрасно понимали, что паства очень разнородна и лучше отстраниться от политических споров.

Идейной основой, идейным стержнем как для РПЦЗ, так и для большинства эмигрантов был антибольшевизм. Тут никто ни за кем не следовал: ни церковное руководство за паствой, ни паства за иерархами. После всех ужасов революции и Гражданской войны, после изгнания, после лишений — потери родных, родителей, детей, не говоря об имуществе, — ненависть к режиму, установившемуся на родине, была всеобщей. Руководство Зарубежной Церкви шло как раз в ногу со своей паствой.

Сегодня на основании источников можно ли ответить — это разделение было каноническим или нет?

При объединении Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви в 2007 году никто не приносил покаяния. Согласно «Акту о каноническом общении», было восстановлено единство внутри Поместной Русской Православной Церкви, так что формально было признано, что Зарубежная Церковь не была расколом. И такое решение оправдано. Священномученик Кирилл (Смирнов; † 1937), митрополит Казанский, говорил, что в условиях невиданных гонений и невозможности созвать Собор церковная жизнь не могла скла-

дываться по букве канона. Сама передача власти от Патриарха Тихона уже противоречила канонам, поскольку передавать власть по завещанию нельзя. Но другого выхода не было. Большевики не разрешали созвать Собор для избрания патриарха. Потому еще в 1917 году для Патриарха Тихона было сделано исключение: Поместный Собор разрешил ему передать власть по завещанию. В связи с этим передачу власти от Патриарха Тихона к митрополиту Петру (Полянскому; † 1937) можно с точки зрения канонов оправдать; но преемство от митрополита Петра к его заместителям уже все-таки выходило за рамки канонов, и тут прежде всего приходилось руководствоваться пользой для Церкви.

То же самое и с Зарубежной Церковью. Да, она отказалась выполнять постановление московского священноначалия, но в тех условиях было невозможно поступить иначе. Вспомним события 1922 года. Патриарх Тихон накануне своего ареста закрыл зарубежное церковное управление, но Зарубежная Церковь указ фактически не выполнила и продолжила свое существование под руководством Архиерейского Синода. Если бы не было гонений в Советском Союзе, конечно, это был бы раскол. Но стоит все-таки углубиться в события 1922 года. После издания вышеупомянутого указа Патриарх Тихон был арестован, а Московский Патриархат фактически обезглавлен: тем же летом был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин (Казанский; † 1922); Патриарший

*Патриарх Тихон
и митрополит
Сергий
Страгородский*

Русская эмиграция в Белграде. Пасха 1927 г. В первом ряду (сидят): Сергей Палеолог, Петр Врангель, митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Анастасий (Грибановский), Ольга Врангель, протоиерей Петр Беловидов, Н. А. Терещенко. Надпись на обороте фотографии: «В первый день святой Пасхи в здравнице в Топчидере 11/24 апреля 1927 года»

Местоблюститель митрополит Агафангел (Преображенский; † 1928) не смог приехать в Москву. Формально государство считало Церковью в России обновленческий раскол и настаивало на признании «живоцерковников» вместо канонической Русской Церкви.

Зарубежная Церковь оказалась в очень неопределенном положении. Известно было, что Церковь в отечестве фактически под запретом, за поминание Патриарха Тихона можно поплатиться свободой, отправиться в ссылку. Были серьезные опасения, что Церковь в России будет окончательно уничтожена, останется только обновленческий раскол, а значит, каноническую Русскую Церковь, пусть в эмиграции, пусть путем невыполнения патриаршего указа, но нужно сохранить.

Показательно и то, что Патриарх Тихон, получив свободу, никаких канонических мер против Зарубежной Церкви не принял. Были отдельные порицающие мотивы в его посланиях, но не канонические меры.

Понятна и причина разрыва с митрополитом Сергием (Страгородским) в 1927 году. Митрополит Сергей был вынужден выполнять требования большевистского государства и отрицать факт гонений на Церковь. Зарубежная Церковь встроиться в такую модель отношений не могла. Результатом стал сначала административный разрыв с московской церковной властью, а затем и разрыв молитвенный. Однако важно отметить, что Зарубежная Церковь продолжала

считать Московский Патриархат во главе с митрополитом Сергием структурой благодатной: если кто-то из Московского Патриархата убежал за границу, то таковых священников принимали сразу без покаяния, допускали к служению. Таким образом, Зарубежная Церковь сохраняла единство даже несмотря на то, что формально оно было разорвано.

Ситуация поменялась в 1953 году, когда клириков Московского Патриархата стали принимать через покаяние. Но уже и время было другое.

Казалось бы, после Второй мировой войны Церкви стало легче, гонения 1920–1930-х годов остались в прошлом. На самом деле, требования к Церкви со стороны государства по-прежнему предъявлялись очень жесткие. Для контроля над православным миром советское руководство попыталось создать в Москве некий «православный Ватикан», притом что власть оставалась богоборческой — после войны возобновилось закрытие храмов, началась новая волна репрессий в отношении духовенства и активных мирян. Зарубежная Церковь обвиняла Патриарха Алексия I, что он будто бы занял «свою нишу» в этой системе, и, на мой взгляд, к этому Перво-святителю отношение за рубежом было хуже, чем к митрополиту Сергию. В любом случае для РПЦЗ административное подчинение московской церковной власти означало бы отказ от любой критики, от защиты закрываемых храмов, монастырей и гонимых страдальцев.

Однако даже тогда РПЦЗ воздерживалась от жестких оценок деятельности Московского Патриархата, а лучшие люди Русской Зарубежной Церкви, такие как святитель Иоанн (Максимович), говорили, что придет время и объединение наступит, просто должны уйти политические причины.

После отделения от Московского Патриархата как воспринимала себя Русская Зарубежная Церковь? Она же не могла сама провозгласить свою автокефалию, значит, должна была быть частью чего-то, чтобы принадлежать Вселенскому Православию?

Да, переход в юрисдикцию какой-либо Поместной Церкви был возможен. Например, митрополит Евлогий (Георгиевский; † 1946) в Западной Европе считал правильным для себя перейти в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Еще одна часть русской эмиграции — Североамериканская митрополия — фактически объявила о своей независимости в ожидании признания ее самостоятельности Москвой, что и произошло в 1970 году. Что касается основной ветви русской церковной эмиграции, Русской Зарубежной Церкви, то для нее было неприемлемо подчиниться какой-либо Поместной Церкви, в том числе и Константинопольской, хотя такие предложения звучали. РПЦЗ не хотела влияния какой-либо Поместной Церкви, поскольку ставила перед собой задачу хранить наследие исторической России и дожидаться, пока в нашу страну придут перемены. Она считала себя частью Русской Церкви, преемницей Патриарха Тихона и митрополита Петра, никогда не заявляла, что разрывает отношения с Московским Патриархатом, и декларировала лишь разрыв отношений с церковным руководством в лице митрополита Сергия (Страгородского) и его преемников.

С чем были связаны попытки перейти в Сербскую Православную Церковь? Рассматривались ли варианты перехода в Константинопольский Патриархат или объединения с Североамериканской митрополией?

В соответствии с решением Собора Сербской Церкви от 31 августа 1921 года Зарубежная Церковь получала права автономии — покровительство Сербская Церковь ей предоставила. Впоследствии, в 1930-е годы, Сербский Патри-

арх Варнава предлагал включить Русскую Зарубежную Церковь в состав Сербской Церкви на время гонений, чтобы обеспечить русской эмиграции каноничность. Он предлагал такой выход из канонического кризиса и митрополиту Сергию (Страгородскому), но тот ответил отказом, сказав, что в СССР преследований нет. Думается, что такой путь не одобряло руководство Советского государства.

Почему сама РПЦЗ не пожелала войти в Сербскую Православную Церковь, не совсем понятно. Скорее всего, это связано с тем, что руководство Зарубежной Церкви не связывало свою дальнейшую судьбу с Югославией. Эмигранты постепенно переезжали с Балкан в Америку, Австралию, Западную Европу. В самой Зарубежной Церкви в 1930-е годы шли разговоры о переезде руководства либо в Маньчжурию, где была большая русская диаспора, либо в Берлин, где Зарубежной Церкви были предоставлены широкие права, но этот проект не состоялся.

В 1949 году глава Русского Западноевропейского экзархата митрополит Владимир (Тихоницкий; † 1959) предлагал главе РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому; † 1965) объединиться и в качестве единой большой автономии войти в подчинение Константинопольского Патриархата. Причем сам митрополит Владимир был готов даже уступить первенство митрополиту Анастасию. Но митрополит Анастасий отказался, объясняя свою позицию тем, что не хочет переходить в другую юрисдикцию, а планирует сохранить независимую структуру как альтернативу именно для русского православия. Он опасался, что влияние греческой политики постепенно погубит Русскую Зарубежную Церковь.

В Североамериканской митрополии ситуация была такая же. Изначально святитель Тихон, в бытность свою епископом Североамериканским, выдвигал проект независимой Православной Церкви в Америке с перспективой автокефалии. Этому помешала революция, но приходы русской епархии, которых там было более ста, планировали идти к автокефалии. Их целью была проповедь православия для американцев и для эмигрантов, не обязательно русских. А у Русской Зарубежной Церкви была другая цель — сохранение прежней России. И поэтому РПЦЗ с Североамериканской

*Архиерейский
Собор РПЦЗ
в 1959 г. в Нью-
Йорке (слева)*

*Митрополит
Филарет
Вознесенский
(справа)*

митрополией было не по пути и попытки соединения оказались неудачными.

Было ли ощущение — внешнее ли, от других Церквей, или внутреннее, в самой РПЦЗ, — что Русская Зарубежная Церковь изгой?

Пожалуй, нет, во всяком случае в первые десятилетия ее существования. РПЦЗ была убеждена в своей правоте, верила в то, что коммунистический режим падет и объединение с Церковью на Родине совершится. К тому же с Зарубежной Церковью достаточно долго контактировали другие Поместные Церкви. В довоенный период все они с РПЦЗ сослужили. После войны ситуация усложнилась, потому что часть Поместных Церквей оказалась в зоне советского влияния и сослужения с РПЦЗ не приветствовались, но тем не менее с другими Поместными Церквами контакты продолжались. С Константинопольским Патриархом Афинагором шла переписка и обмен поздравлениями с праздниками, которые публиковались в печати до 1965 года. Потом Зарубежная Церковь перестала их публиковать по причине снятия анафем 1054 года Патриархом Афинагором и Папой Римским Павлом VI. Зарубежная Церковь вообще считала, что Константинопольская Церковь слишком далеко зашла по пути экуменизма и модернизма. При этом контакты все же продолжались. Показательно, например, что в Англии митрополит Каллист (Уэр; † 2022) возглавлял периодически совместные богослужения, где участвовали представители разных Поместных Церквей, в том числе и РПЦЗ.

Были у Зарубежной Церкви совместные приходы, например, с Александрийской Церковью. Иерархи Александрийской, Антиохийской, Константинопольской Церквей участвовали

и в богослужениях с клириками Русской Зарубежной Церкви.

Главным союзником была Сербская Церковь. Она так и не отказалась от покровительства Русской Зарубежной Церкви, хотя в 1945 году Московская Патриархия требовала таковое прекратить. Была интересная полемика между Патриаршим Местоблюстителем Сербской Церкви митрополитом Иосифом (Цвийовичем; † 1957) и представителем Московской Патриархии епископом Сергием (Лариным; † 1967). В итоге Сербская Церковь, уже сама оказавшаяся под давлением правительства Иосипа Броз Тито, была вынуждена пойти на некоторые уступки: она заявила о временной приостановке общения с РПЦЗ, но при этом сделала оговорку, что окончательное решение примет Архиерейский Собор. А затем отношения между Сталиным и Броз Тито ухудшились, и от Сербской Церкви больше ничего не требовали. Поэтому она вплоть до объединения в 2007 году продолжала, пусть не особо афишируя, поддерживать контакты с Зарубежной Церковью: были совместные приходы, имели место сослужения — например, Патриарх Сербский Павел сослужил с архиепископом Иларионом (Капралом; † 2022), который тогда возглавлял Австралийскую епархию. Эта поддержка была очень важна, не случайно иерарх Московского Патриархата митрополит Вениамин (Федченков; † 1961) говорил, что благодаря Сербской Церкви Русская Зарубежная Церковь имеет связь с мировым православием и поэтому расколом ее считать нельзя.

Кто в Русской Зарубежной Церкви подтверждал существование этого единства?

Прежде всего, святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский, а затем

Сан-Францисский. Он поминал на проскомидии Патриарха Алексия I. Сохранилось интересное свидетельство одного из эмигрантов, Кольцова-Масальского, который был настроен резко против церковной Москвы. Он обратился к святителю Иоанну с вопросом, можно ли исповедоваться у священников, если известно, что они пошли на сотрудничество со спецслужбами. Святитель ответил, что лучше у них не исповедоваться. На вопрос, благодатны ли Таинства, совершенные такими священниками, святитель Иоанн ответил, что, конечно, благодатны. Недостойнство священника, его слабость — это трагедия священника, и она не является поводом оспорить действительность Таинств. Святитель Иоанн неоднократно говорил, что и Церковь на Родине, и Церковь в эмиграции делают одно дело — сохранение и насаждение православия. Нам нужно только понять друг друга.

В начале самостоятельного существования Зарубежной Церкви были и официальные заявления, что единство невозможно только из-за политической ситуации на Родине. К сожалению, потом в адрес руководства Московского Патриархата стали звучать другие претензии, что замедлило процесс объединения.

«До 1990-х годов у нас не было непредвзятых работ»

Чем для историка интересно научное поле истории РПЦЗ? Какие вопросы открываются во время изучения истории Зарубежной Церкви?

Самые интересные богословские споры в XX веке проходили именно в эмиграции. Можно вспомнить и учение предстоятеля Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого; † 1936) о догмате искупления, когда он сделал акцент в подвиге Спасителя на Гефсимании, а не на Голгофе. Не менее активно обсуждалось учение протоиерея Сергия Булгакова († 1944) о Софии, полемика была бурной и интересной.

История РПЦЗ повлияла и на обсуждение вопроса о границах Церкви. Еще в начале XX века будущий священномученик Иларион (Троицкий; † 1929) категорически отрицал возможность спасения вне границ православия, кем бы ни был человек — язычником, протестантом или католиком. В Зарубежной Церкви востор-

жествовала такая же идея, там считали, что Таинства Церквей, которые сохранили апостольское преемство, недействительны до тех пор, пока эта Церковь не присоединится к православию. Но, как известно, точка зрения архиепископа Илариона не единственная в Православной Церкви. В соответствии с решением Юбилейного собора Русской Православной Церкви 2000 года три чина принятия инославных в Православную Церковь связаны с разной степенью их отпадения от истины, а возможность смягчения загробной участи — дело Промысла Божия. Такое решение также опирается на творение святых отцов, в частности, на первое правило святителя Василия Великого.

Другой вопрос, также поднятый не без участия Зарубежной Церкви, — об экуменизме, о том, что допустимо и что недопустимо в отношениях с инославными. С одной стороны, экуменизм был анафематствован Русской Зарубежной Церковью. Однако прекрасно известно, что представители Русской Зарубежной Церкви участвовали в богословском диалоге. Священномученик Досифей (Васич; † 1945), митрополит Загребский, со стороны Сербской Церкви участвовал в диалоге с нехалкидонскими Церквями, и вместе с ним участвовали в этом диалоге и представители РПЦЗ. Архиепископский Собор РПЦЗ в 1950 году признал сотрудничество с инославными организациями в общественной и благотворительной деятельности. Митрополит Анастасий (Грибановский) в 1952 году посетил канцелярию Всемирного совета церквей в Нью-Йорке, призвал на сотрудников Божие благословение и поблагодарил их за помощь беженцам.

Что можно сказать о литургической традиции Русской Зарубежной Церкви?

Считается, что в Русской Зарубежной Церкви укоренилась южнорусская практика богослужений. Речь о незаметных для стороннего человека моментах, которые отмечают священнослужители. Это связано с тем, что Зарубежный церковный центр изначально формировался за счет архиереев южных епархий, которые уходили за границу вместе с армией генерала Врангеля. После Второй мировой войны в Русскую Зарубежную Церковь влились архиереи Украинской Автономной Церкви, укрепившие такие традиции.

Сохранилась, например, традиция служения на Пасху в белых облачениях. Показательно, что объединение Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви состоялось не на Пасху, как это планировалось, а на Вознесение — ведь на Пасху бросалось бы в глаза, что Зарубежная Церковь служит в белых облачениях, а духовенство Московского Патриархата — в красных.

Сохранились некоторые элементы дореволюционной практики. Например, отсутствует привычный для России аналой в центре храма. Аналой с иконой стоит сбоку и выносится на середину храма только на полиелей.

Какими источниками вы пользуетесь в научной деятельности?

До 1990-х годов не было непредвзятых работ, книги и статьи носили публицистический характер. Авторы из Зарубежной Церкви всячески отстаивали ее правоту, часто допускали выпады в сторону руководства Московского Патриархата. В трудах, которые появлялись в России, Зарубежную Церковь также постоянно порицали. Тем не менее даже в таких сочинениях удавалось найти интересные документы и свидетельства. В 1990-е годы появился доступ к периодической печати Русской Зарубежной Церкви и к фонду Русской Зарубежной Церкви, который находится в Государственном архиве Российской Федерации. Фонд состоит из документов, которые были вывезены в Москву в конце войны.

Послевоенный период исследователи изучают по периодике либо по архивным документам и материалам, которые хранятся за границей. Это архив Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле, архив Архиерейского Синода РПЦЗ в Нью-Йорке, епархиальные архивы.

Доводилось ли вам сталкиваться с сюжетами, которые ранее были представлены в одном ключе, а благодаря глубокой работе с источниками выяснилось, что на самом деле все было по-другому?

Да, такое бывает. Один пример связан с воспоминаниями митрополита Евлогия (Георгиевского). Вообще, на протяжении долгого периода времени у нас об истории Зарубежной Церкви и ее внутренних разделений судили именно по этим мемуарам. У митрополита Евлогия есть описание споров относительно существования

Зарубежной Церкви после ареста Патриарха Тихона. В мемуарах митрополит Евлогий говорит, что изначально был готов подчиниться указу, а также о своем проекте разделения Русской Зарубежной Церкви на митрополичьи округа. Между тем сохранились документы того времени, в том числе и тексты самого митрополита Евлогия, из которых видно, что он изначально отказался от каких-либо претензий на власть в Русской Зарубежной Церкви, оставляя ее за митрополитом Антонием (Храповицким).

Другой момент связан с многочисленными обвинениями в адрес Зарубежной Церкви о поддержке Гитлера в годы Второй мировой войны или о призывах митрополита Анастасия (Грибановского) к ядерным бомбардировкам Советского Союза. Не было ни того, ни другого. Зарубежная Церковь во время войны находилась на территориях разных государств, и смешно полагать, что где-нибудь в США или в Великобритании священники или архиереи могли выступить в поддержку Гитлера. Каждый действовал по своей совести, кто-то из архиереев и клириков Германию поддерживал, кто-то нет. Но о позиции Церкви можно судить не по частным мнениям иерархов и священников, а по решениям Соборов или по синодальным постановлениям. А вот таких за годы войны не было. Руководство старалось отстраниться от заявлений такого рода. Митрополит Анастасий так и не выступил с посланием к русскому народу, хотя гитлеровцы от него требовали публично поддержать нацистскую Германию. Что касается ядерных бомбардировок — пропаганда просто перевернула слова митрополита Анастасия. На самом деле он говорил о библейской истине, что за безбожие люди наказываются катаклизмами и войнами, а в реалиях XX века, возможно, и разрушительным ядерным огнем. Но это было только предупреждением, подобным словам древних пророков, а вовсе не пожеланием или призывом.

В годы холодной войны не было ли попыток со стороны руководителей американского государства повлиять на русских эмигрантов в Америке? Объявить их врагами народа или сделать из них агентов для работы против Советской России?

Как мне представляется, Русская Зарубежная Церковь не представляла собой по миро-

*Подписание акта
17 мая (слева)*

*Митрополит Лавр
(Шкурла)
(справа)*

вым меркам столь значимую силу, чтобы на нее можно было делать ставку в политической игре. И не будем забывать, что центры Зарубежной Церкви были не только в США, но и в Европе, Палестине, Канаде, Австралии, Южной Америке. И если бы какое-то решение, явно продиктованное в США, попытались проводить в епархиях за пределами этой страны, это стало бы предметом обсуждения и отразилось бы в документах. Пока же ничего подобного никто в архивах не выявил.

Почему Московский Патриархат и РПЦЗ пришли к примирению

Как бы вы охарактеризовали динамику отношений Московского Патриархата и Русской Православной Церкви Заграницей с 1920-х годов вплоть до примирения в 2007 году?

Первый период — это период управления Русской Церковью Патриархом Тихоном и митрополитом Петром (Полянским), когда и со стороны московского церковного руководства, и руководства Русской Зарубежной Церкви не было ни выпадов, ни радикальных решений. Второй период — после 1927 года, когда митрополит Сергей (Страгородский) был вынужден принять политику компромиссов с безбожной властью. Отношения с Зарубежной Церковью тогда ухудшились, последовал разрыв отношений, а затем и прещения митрополита Сергея в адрес нескольких архиереев Зарубежной Церкви. Однако даже в этих условиях в РПЦЗ было понимание того, что митрополит Сергей находится в ужасающем положении. Проживавший в Болгарии святитель Серафим (Соболев) говорил, что не может осуждать митропо-

лита Сергея, ведь неизвестно, как бы он сам повел себя на его месте. Святитель говорил, что, возможно, митрополит Сергей мучается больше, чем Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский). Напомню, что священномученик Петр находился в тюрьме, но понимал, что страдает за Христа. А митрополит Сергей сохранял внешнюю свободу, но при этом постоянно ожидал ареста, видел разгром Церкви, уничтожение храмов, аресты своих близких — и ничего не мог с этим сделать.

Такие отношения длились до 1950-х годов. А затем последовала смена поколений в Зарубежной Церкви. Скончались такие дореволюционные «столпы», как митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Гавриил (Чепур; † 1933), архиепископ Феофан (Говоров; † 1894) и другие. В руководстве РПЦЗ развилась идея, что Зарубежная Церковь — островок чистого православия, в то время как весь мир отпал от истины: кто-то подчинен коммунистическим режимам своих стран, кто-то увлекся экуменизмом, кто-то — модернизмом. Именно тогда Зарубежная Церковь вступила в общение с группами греческих старостильников, стала допускать выпады против Поместных Церквей.

В 1960-е годы Русскую Зарубежную Церковь возглавил митрополит Филарет (Вознесенский; † 1985), причем его избрали на пост Первоиерарха из-за того, что он не принадлежал ни к одной из партий Зарубежной Церкви. Она в тот момент была на грани разделения: одни выступали за святителя Иоанна (Максимовича), который был открыт миру и спокойно относился к Московскому Патриархату; другие выступали за архиепископа Никона

(Рклицкого; † 1975), который ориентировался на дореволюционную синодальную систему управления и относился более жестко к Московской Патриархии. Чтобы не допустить раскола, Собор избрал главой РПЦЗ самого молодого по хиротонии епископа Филарета. Человек неисключенный в административных делах, он провел молодость в Маньчжурии, контактов с инославием у него практически не было, в отличие от русских архиереев в Европе и Америке. «Филаретовский» период был характерен усилением влияния протопресвитера Георгия Граббе († 1995), впоследствии епископа Григория, который вершил все канцелярские дела и фактически руководил Зарубежной Церковью.

Вообще есть впечатление, что Первоиерархи Русской Зарубежной Церкви с каждым поколением становились немного слабее своих предшественников. Каждый следующий Первоиерарх был менее яркой фигурой, чем предыдущий. И с каждым следующим иерархом разрыв с такой глобальной фигурой, как митрополит Антоний (Храповицкий), становился все более заметным. Последний независимый глава Зарубежной Церкви митрополит Виталий (Устинов; † 2005) уже не имел того масштабного мышления как отцы-основатели Русской Зарубежной Церкви. И когда на Родине начались перемены, падение коммунистической власти и освобождение Церкви, шанс на воссоединение зарубежным церковным руководством был упущен. Вместо этого в начале 1990-х годов было принято катастрофическое решение об открытии параллельных приходов и создании епархий РПЦЗ, что, бесспорно, ухудшило отношение к Зарубежной Церкви и отсрочило объединение.

Что изменилось, почему при всех непростых решениях в определенный момент РПЦЗ пересмотрела отношение к объединению?

В целом Зарубежная Церковь готова была на объединение еще в 1990-е годы. Мне приходилось знакомиться с отзывами зарубежного духовенства. Одни говорили, что примерно одна треть выступает за объединение, одна треть категорически против, остальные равнодушны и пойдут за своим священноначалием. Была и другая информация: что примерно четверть за скорейшее объединение, четверть против, а половина равнодушна. Так что в этой ситуации

все зависело от Первоиерарха, куда он поведет Зарубежную Церковь — к дальнейшей самоизоляции и распаду либо к объединению. Все это понимали и говорили, что отказ от переговоров связан с личностью митрополита Виталия. Он ушел на покой в 2001 году. Первоиерархом был избран митрополит Лавр (Шкурла; † 2008). С его вступлением на престол и начались переговоры, которые продолжались с 2004 по 2007 год и закончились объединением.

Многим ли пришлось пожертвовать обеим сторонам, чтобы примириться? Насколько разделение было серьезным?

Мне кажется, что каких-то жертв или уступок со стороны Московского Патриархата не было. Со стороны Зарубежной Церкви с 1980-х годов были такие условия для примирения: первое — не говорить о РПЦЗ как о расколе; второе — канонизировать новомучеников; третье — осудить экуменизм; четвертое — осудить компромиссную политику митрополита Сергия (Страгородского). Но дело в том, что все эти вопросы были решены еще до начала переговоров. Согласие на переговоры уже означало, что Зарубежную Церковь Московский Патриархат не считает расколом. С канонизацией новомучеников также все было решено еще до переговоров. Напомню, что РПЦЗ прославила пострадавших от рук безбожной власти в 1981 году, а Московский Патриархат начал прославление в 1989 году, то есть всего лишь спустя несколько лет после РПЦЗ. В 1989 году Церковь в отечестве канонизировала Патриарха Тихона, затем примерно каждые несколько лет прославляли других новомучеников, а в 2000 году — уже целый сонм наших страдальцев вместе с царской семьей. В святцы вошли и те архиереи и священнослужители, которые были противниками митрополита Сергия (Страгородского).

Что касается политики митрополита Сергия, то его действия не были признаны Церковью бесспорно правильными. Более того, Юбилейный Собор 2000 года постановил, что Церковь в случае антихристианских действий государственной власти может призвать народ к неповиновению.

Документ Юбилейного Собора «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» закрыл все вопросы относительно экуменизма. Признавалось, что

спасение возможно только в Церкви, что интеркоммунион невозможен, что единство с инославием допустимо лишь после преодоления всех богословских противоречий.

Так что все препятствия были преодолены в 2000 году. И отставка митрополита Виталия была во многом связана с тем, что основная часть епископата уже была готова к скорейшему объединению, а митрополит Виталий, не желавший переговоров, остался в меньшинстве.

Когда в 2004 году началась работа переговорных комиссий, то вопросы об экуменизме, новомучениках и о действиях митрополита Сергия были решены на первых заседаниях. Дальнейшие вопросы касались спорной недвижимости или клириков, которые поменяли юрисдикцию.

Пожертвовала ли чем-то Русская Зарубежная Церковь? Можно сказать, что «жертвой» был отказ от самостоятельности. Но не будем забывать, в тот момент она находилась в непростом положении. Количество приходов Московской Патриархии за рубежом росло, а русская эмиграция в целом не понимала причин отделения Зарубежной Церкви. Поэтому ее популярность падала, что усугублялось и финансовыми проблемами. В любом случае Зарубежную Церковь ждали потрясения, и объединение с Московским Патриархатом, получение канонического статуса было выходом из возможного кризиса.

После примирения Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви все равно остались недовольные этим. От РПЦЗ откололось несколько организаций. О них вообще что-то известно?

Отделилось некоторое количество приходов, но они не сохранили внутреннее единство и разделились на множество ветвей, отошедших от Зарубежной Церкви в свое время. Это так называемые Российская православная автономная церковь (или Свободная Церковь), образованная еще в 1990 году, Русская истинно-православная церковь и другие. Кроме того, когда митрополит Виталий (Устинов) ушел в отставку, он создал свою «Зарубежную Церковь». Затем единственным архиереем Русской Зарубежной Церкви, который в 2007 году не согласился объединяться, епископ Агафангел (Пашковский), образовал свое высшее цер-

Андрей Александрович Кострюков (р. 1973) — доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Института дистанционного образования ПСТГУ, главный научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ. Окончил Московскую духовную академию и ПСТГУ. Работает в Свято-Тихоновском университете с 2002 г. Автор восьми монографий, трех учебных пособий, более 150 научных статей и публикаций. Награжден медалями преподобного Сергия Радонежского I степени (2007), благоверного князя Даниила Московского (2014), «За усердные труды на ниве духовного образования» (2023) и медалью ордена святителя Макария (2023).

ковное управление. Вряд ли можно говорить о большом количестве последователей этих структур, тем более что они рассеяны по всему миру. Уж на что Джорданвилл маленькое поселение, известное разве что расположенным рядом монастырем, но даже в этом населенном пункте есть крошечный молитвенный дом для тех, кто отказался соединиться с Московским Патриархатом.

Для чего надо изучать историю РПЦЗ?

Курс по истории Русской Зарубежной Церкви я веду сейчас в Институте дистанционного образования ПСТГУ, и он очень интересен слушателям. Изучение истории РПЦЗ необходимо для того же, для чего мы вообще изучаем историю, — чтобы избежать ошибок в будущем. История должна быть нашим другом, а не врагом, а другом она будет тогда, когда мы делаем из произошедшего правильные выводы. История подразумевает анализ событий, а не равнодушное запоминание дат и имен. Необходимо понять людей того времени, как наших соотечественников, так и эмигрантов, и постараться взглянуть на все глазами и тех, и других.

Беседовал диакон Александр ЧЕРЕПЕНИН